Отчетъ тов. большевикамъ устраненныхъ членовъ расширенной редакціи „ПРОЛЕТАРІЯ“.

Товарищи! Мы, нижеподписавшіеся, были избраны въ число членовъ большевистскаго идейнаго центра вашими делегатами на лондонскомъ съѣздѣ партіи. Теперь для насъ стало фактически не возможнымъ выполнить возложенныя на насъ вашимъ довѣріемъ обязанности, хотя мы ни отказывались отъ нихъ ни формально, ни морально. Въ виду этого мы должны дать вамъ отчетъ о томъ, какимъ образомъ такое положеніе создалось и въ чемъ сущность его заключается,—а ваше дѣло будетъ уже судить о томъ, соотвѣтствуетъ ли оно вашимъ политическимъ интересамъ; ибо дѣло идетъ здѣсь, какъ вы увидите, не только о лицахъ коллегіальныхъ отношеніяхъ, а что несравненно важнѣе, о всей политической линіи большевизма.

Основу большевистскаго идейнаго теченія составляетъ, какъ вы всѣ знаете, революціонный марксизмъ и неразрывно съ нимъ связанное опредѣленное пониманіе роли и задачъ пролетаріата въ россійскомъ революціонномъ движеніи. Въ общихъ чертахъ пониманіе это таково. Демократическая революція въ Россіи не можетъ завершиться и дать странѣ наибольшую возможность развитія производительныхъ ея силъ, иначе какъ при гегемоніи промышленнаго пролетаріата надъ остальными революціонными силами, изъ которыхъ главнымъ и наибольшимъ является пролетаріатъ сельскій и масса разореннаго крестьянства, жаждущая земли. Въ единеніи съ пролетаріатомъ сельскимъ и опираясь на малоземельное крестьянство, фабрично-заводской рабочій классъ, какъ авангардъ и руководитель демократической революціи, призванъ исторіей довести до конца дѣло обновленія Россіи и создать наилучшія условія для дальнѣйшей борьбы за соціализмъ.

Исторія первой революціонной волны и послѣдовавшей за ней реакціи оправдала и подтвердила большевистскую идею. Поскольку велась дѣйствительно революціонная борьба всюду во главѣ ея выступалъ рабо-

чій классъ; а когда гегемонія фактически перешла къ буржуазнымъ либераламъ—въ «думскомъ» періодѣ движенія—это означало непрерывныя побѣды революціонныхъ силъ, пораженія и отступленія силъ освободительныхъ.

Изъ тѣхъ же основныхъ идей исходили большевики и въ своемъ тактическомъ отношеніи къ русскому псевдо-парламентаризму или «думизму». Какъ революціонные марксисты, большевики не могли стоять на почвѣ «парламентаризма во что бы то ни стало». Они принимали или не принимали участія въ одной, другой, третьей Думѣ, смотря по тому, насколько тотъ или другой образъ дѣйствій могъ по ихъ оцѣнкѣ содѣйствовать организаціи силъ пролетаріата и закрѣпленію за нимъ руководящей роли въ народной борьбѣ. Практическая оцѣнка обстоятельствъ и непосредственные выводы могли при этомъ, конечно, расходиться, создавая оттѣнки въ идейномъ теченіи большевизма, но общая и основная точка зрѣнія была одна и та же.

Какъ всякая живая, растущая политическая сила, большевизмъ долженъ неизбѣжно заключать въ своей средѣ разлічія и разногласія,—это необходимо для его развитія, для того, чтобы онъ не застылъ и не замеръ на одномъ пунктѣ, а неуклонно шелъ впередъ, увлекая за собой все лучшее и жизнеспособное въ нашемъ политическомъ мірѣ. И большевики умѣли установить правильное здоровое отношеніе къ своимъ внутреннимъ расхожденіямъ.

Мы напомнимъ, какъ на Стокгольмскомъ съѣздѣ обнаружились среди большевиковъ делегатовъ очень различные взгляды на такой важный вопросъ, какъ аграрная программа партіи. Одни—большинство наличныхъ тогда делегатовъ большевиковъ—стояли за раздѣлъ земли между крестьянами въ частную собственность, другіе—меньшинство, съ Ленинымъ во главѣ—за націонализацію земли. И что же, это несомнѣнно важное разногласіе повело-ли къ расколу фракціи? Даже мысли такой ни у кого не возникло, — столь глубоко сознавалось единство принциповъ.

Также обстояли дѣла и тогда, когда разбирался вопросъ о выборахъ въ третью Думу. Значительное большинство нашей фракціи находило участье въ третьей Думѣ практически невыгоднымъ, неспособнымъ окупить тѣ усилія, которыхъ оно требовало, неспособнымъ оказать серьезную поддержку вліянію партіи среди пролетаріата и среди прочихъ революціонныхъ силъ народа. Но партія рѣшила противъ насъ, и, вѣрные дисциплинѣ, мы приняли активное участіе въ избирательной кампаніи. Никому и въ голову не приходило, что меньшинство нашей фракціи, стоявшее за выборы въ третью Думу, съ Ленинымъ во главѣ, сдѣ-

лаетъ когда-нибудь вопросъ объ этой третьей Думѣ основою для раскола большевистскаго теченія.

И, однако, теперь это случилось на дѣлѣ. Какимъ же образомъ пришли мы къ такому положенію? Начиная съ декабрьскихъ дней 1905 г. революціонная волна спадала все ниже и ниже, реакція все тѣснѣе сдавливала нашу страну въ своихъ мертвящихъ объятьяхъ. Для пролетаріата нашей партіи поле борьбы съуживалось все больше. Непосредственное массовое движеніе, наталкиваясь на механическія препятствія, которыхъ оно еще не въ силахъ было преодолѣть, разбивалось, съуживалось, уходило въ глубину народной жизни. Наконецъ, на поверхности остались только 3-я Дума и легальныя партіи. Что приходилось дѣлать большевизму? Оглядѣться, изслѣдовать положеніе учесть пережитый политическій опытъ, сдѣлать выводы изъ того и другого, направить согласно съ ними свою практическую работу. Перестало ли положеніе страны быть революціоннымъ въ своей основѣ? На этотъ вопросъ большевизмъ все лѣвое крыло нашей партіи отвѣчаютъ рѣшительнымъ нѣтъ!

Россія не вступила въ періодъ нормальнаго, ограническаго развитія, производительныя силы страны не получили необходимаго для ихъ прогресса освобожденія отъ сковывающихъ и разрушающихъ эти силы. отжившихъ государственныхъ формъ, и буржуазно-конституціонный строй не сложился и не можетъ сложиться при наличныхъ соотношеніяхъ, при организаторскомъ безсиліи буржуазныхъ слоевъ, и при сохраненіи старой бюрократіи. Новый революціонный кризисъ неизбѣженъ признала обще-россійская партійная конференція въ январѣ этого года. И такъ большевизмъ въ цѣломъ держитъ курсъ на революцію, хотя и не берется устанавливать вѣроятнаго момента ея наступленія. Опытъ показалъ, что если при нынѣшнемъ состояніи соціальныхъ наукъ уже можно улавливать тенденцію общественнаго развитія и предусматривать вытекающіе изъ нея кризисы, то самый темпъ соціальныхъ процессовъ еще не изученъ,—они то развертываются гораздо быстрѣе, чѣмъ это кто либо ожидалъ, какъ напримѣръ въ сентябрѣ и декабрѣ 1905 года, то тянутся гораздо медленнѣе, чѣмъ всѣми предполагалось,—напримѣръ нынѣшняя реакція. Сосѣдняя съ нами Персія послѣ первой революціонной волны пережила контръ-революцію, не менѣе сильную и острую чѣмъ наша, но въ этой маленькой странѣ съ ея элементарной экономикой для подготовки новой волны оказалось достаточно какихъ нибудь 10 мѣсяцевъ: для огромной Россіи съ ея несравненно болѣе сложными общественными отношеніями, очевидно требуется значительно больше времени. Задача труднѣе и больше терпѣнія требуется отъ работниковъ,

зато тѣмъ грандіознѣе и прочнѣе будетъ конечный результатъ работы *).

Но какъ работать? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ надо принять въ разсчетъ тѣ выводы, которые диктуются всѣмъ огромнымъ политическимъ опытомъ этихъ лѣтъ, выводы, которые ясны для тѣхъ, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть.

Тутъ передъ нами, съ одной стороны, опытъ непосредственнаго массового движенія, съ другой стороны—„опытъ парламентарный".

Чему учитъ насъ исторія непосредственной политической и экономической борьбы пролетаріата и остальной народной массы въ революціонные и контреволюціонные годы, опытъ нашей работы на этой почвѣ?

Во первыхъ выяснилось, до какой степени важно и необходимо для успѣха движенія, существованіе сплоченной партійной организаціи, во всей широтѣ и опредѣленности, выдвигающей передъ массами революціонные лозунги.

Неизбѣжный, при такихъ условіяхъ нелегальный и конспиративный характеръ такой организаціи, а, слѣдовательно, столь же неизбѣжная узость ея рамокъ, мѣшаютъ ей, какъ оказалось на дѣлѣ, пріобрѣсти самое широкое идейное вліяніе на рабочія массы, а затѣмъ въ критическій моментъ, и вліяніе организаціонное. Все это обнаружилось съ очевидностью въ событіяхъ 1905 и послѣдующихъ годовъ, съ которыхъ наша нелегальная партія не разрывно связала себя съ пролетарскими массами, какъ законная ихъ представительница и ихъ авангардъ въ политической борьбѣ.

Отсюда вытекаетъ для нынѣшняго періода реакціи важнѣйшая, но и труднѣйшая задача: сохранить, несмотря на весь гнетъ, и укрѣпить, несмотря на всѣ препятствія, нелегальную партійную организацію, провести ее черезъ всю эту невыразимо тяжелую и мрачную полосу народной жизни такъ, чтобы въ эпоху новой, рѣшительной борьбы она была готова къ дѣлу руководства массовымъ движеніемъ, а до того времени послѣдовательно и неуклонно подготовляла условія, необходимыя для успѣха борьбы.

Что можетъ и должна дѣлать въ этомъ направленіи нелегальная партія—выясняетъ намъ тотъ же революціонный опытъ массового рабочаго движенія.

---

*) Мы разумѣется, отнюдь не имѣемъ въ виду сравнивать по существу нашу революцію съ Персидской, которая представляетъ изъ себя буржуазную революцію низшаго типа соотвѣтственно низшей ступени экономическаго развитія Персіи. Мы только отмѣчаемъ, что сильная и глубокая контрреволюціонная волна сама по себѣ еще не свидѣтельствуетъ объ окончательномъ крушеніи революціи; оно предполагаетъ иное условіе, а именно прочно установившееся равновѣсіе общественныхъ силъ.

Мы всѣ видѣли, что какъ невелико было идейное, а потомъ и организаціонное вліяніе нашей партіи, но въ самые критическіе моменты борьбы непосредственными вождями, слишкомъ часто оказывались либо безпринципные демагоги, какъ Гапонъ, либо люди политически неопредѣленные и невыдержанные, оппортунисты, какъ Хрусталевъ. И это конечно, служило къ большому ущербу для всего дѣла. А зависѣло это отъ того, что въ широкихъ рабочихъ массахъ наши идеи прививались, главнымъ образомъ, одной стороной—именно, демократически-революціонной; соціалистическія основы классового сознанія усваивались неглубоко и непрочно, соціализмъ, какъ міровоззрѣніе, распространялся сравнительно мало. Вниманіе массы концертрировалось на лозунгахъ дня, которые, естественно, имѣли въ ней тѣмъ больше успѣха, чѣмъ ближе выражали ея собственное настроеніе. Среди самого пролетаріата не успѣло сложиться достаточно сильное и вліятельное ядро изъ такихъ элементовъ, которые обладали бы полнымъ и цѣльнымъ соціалистическимъ воспитаніемъ, и могли бы вынести наибольшую, высшую сознательность въ каждый актъ переживаемой рабочими массами борьбы.

Но и наша собственная, партійная работа за время революціи ходомъ вещей направлялась не столько на соціалистическое, сколько на революціонно-демократическое воспитаніе пролетаріата. Такой характеръ имѣла почти вся непосредственная политическая борьба этого періода, поглащавшая большую часть силъ партіи. Систематическая пропаганда поневолѣ была заброшена, а брошюрная литература, распространявшаяся въ массахъ, давала скорѣе клочки и обрывки, а не цѣльное классовое міровоззрѣніе.

Отсюда ясна вторая важнѣйшая задача нашей работы для переживаемой межъ-революціонной эпохи—задача расширенія и углубленія соціалистической пропаганды. Дѣло идетъ не о такой узко-кружковой, по преимуществу элементарной пропагандѣ, какая велась въ дореволюціонное время, а о пропагандѣ болѣе высокаго типа. Требуется, во первыхъ, создать пропагандистскую литературу, нелегальную и легальную, гораздо болѣе законченнаго и энциклопедическаго содержанія, чѣмъ та, какая имѣлась до сихъ поръ,—и въ то же время достаточно популярную по формѣ, чтобы она могла широко распространяться. Надо выработать новый типъ партійной школы, которая завершая партійное воспитаніе работника, заполняя неизбѣжные при обычныхъ условіяхъ его работы и самообразованія пробѣлы его знаній, стройно ихъ систематизируя, приготовляла бы надежныхъ и сознательныхъ руководителей для всѣхъ формъ пролетарской борьбы.

На ту же самую задачу опредѣленно и настойчиво указываютъ

тому щей партійной работы. Подъ гнетомъ реакціи огромная часть интеллигентовъ привлеченная къ партіи въ эпоху подъема больше революціоннымъ возбужденіемъ, чѣмъ соціалистическимъ сознаніемъ, бѣжала теперь изъ нашихъ организацій. Повсюду отвѣтственная работа, которая раньше лежала на интеллигенціи, переходитъ въ руки самихъ рабочихъ, какъ это единогласно констатируется корреспонденціями и отчетами съ мѣстъ. При этомъ тяжело чувствуется недостатокъ подготовки у новыхъ руководителей, пробѣлы ихъ образованія и отсутствіе той формальной дисциплины ума, которую „интеллигенты“ получаютъ изъ своихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.

Иной товарищъ рабочій, много читавшій и изучавшій, по суммѣ своихъ знаній не уступаетъ многимъ интеллигентамъ,—но ему несравненно труднѣе справляться съ этими знаніями, потому что они не систематизированы, не сведены въ стройную систему, и прерываются въ разныхъ частяхъ случайными пробѣлами. Прекрасно сознавая все это, и выбиваясь изъ силъ надъ непривычной, но необходимой работой, товарищи партійные рабочіе сами энергично требуютъ отъ оставшейся интеллигенціи серьезной литературной и пропагандистской поддержки, съ величайшимъ вниманіемъ и интересомъ относятся ко всякимъ попыткамъ въ этомъ направленіи, напр., къ устройству партійныхъ школъ и т. п.,—вообще обнаруживаютъ вполнѣ ясное пониманіе той насущной очередной задачи, о которой идетъ рѣчь.

Но этой задачѣ должны теперь сосредоточиться и съорганизоваться лучшія литературно-пропагандистскія силы нашей партіи; трудности же очень велики. Выясненіе соціалистическаго міропониманія должно вестись не только глубже и полнѣе, чѣмъ прежде, но въ тоже время отнюдь не отвлеченно, а въ тѣсной связи съ жизнью, съ прямымъ политическимъ и соціальнымъ опытомъ недавняго прошлаго и настоящаго. Этой тѣсной связи соціалистической пропаганды съ текущей жизнью могла бы сильно содѣйствовать надлежащая постановка заграничныхъ партійныхъ органовъ, которые должны заняться систематическимъ анализомъ нынѣшней русской дѣйствительности не только съ точки зрѣнія конкретныхъ вопросовъ момента, но еще болѣе—съ точки зрѣнія общихъ ея тенденціей и перспективъ.

Третья задача, вытекающая изъ опыта массовой революціонной борьбы, болѣе частная, но очень важная, относится къ условіямъ и методамъ народнаго возстанія. Когда въ 1905 году развитіе конфликта между силами революціи и силами реакціи дошло до вооруженной борьбы, то оказалось, что и пролетарскія массы, и наша партія чрезвычайно

мало подготовлена для этого, что на враждебной сторонѣ, не смотря на всю царившую тамъ дезорганизацію и деморализацію, имѣется огромный перевѣсъ техническаго знанія и умѣнья. Оказалось, что революціонеры почти нигдѣ не съумѣли использовать представлявшихся стратегически выгодныхъ положеній, а возстанія въ войскахъ протекали изолированно и безплодно. Надо употребить энергичныя усилія, чтобы не допустить повторенія всего этого при новомъ революціонномъ кризисѣ.

Время реакціи не должно пропасть даромъ для военно-теоретическаго воспитанія и практич. подготовки нашей партіи. Разумѣется, прямыя боевыя выступленія при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ невозможны, да и не желательны, такъ какъ вели бы къ безплодной растратѣ силъ. Но вполнѣ возможна и необходима теоретическая и историческая разработка въ партійной прессѣ вопросовъ вооруженной борьбы народа съ правительствомъ при чемъ слѣдовало бы также подвести итоги и извлечь выводы изъ новѣйшаго опыта революцій турецкой и персидской. Затѣмъ, и практическое изученіе военно-техническаго дѣла, въ инструкторскихъ группахъ и школахъ, слѣдуетъ поддерживать и развивать, поскольку оно возможно безъ ущерба для общей организаціонной работы, о чемъ мы по недостатку данныхъ, теперь не беремся судить. Необходимо, наконецъ во всякомъ случаѣ, усиленіе пропаганды въ войскахъ, особенно листковой и литературной, которая претставляетъ меньше трудностей. чѣмъ устная,—а по мѣрѣ возможности и возсозданіе военныхъ организацій.

Все это должно выполнить наше большевистское теченіе, которое одно только способно, 5е поддаваясь угнетающему вліянію момента, сохранить революціонно боевую тенденцію въ нашей партіи. А если и оно и не сдѣлаетъ этого, то при послѣдующемъ революціонномъ взрывѣ практическое руководство вооруженной борьбою народа, неизбѣжно перейдетъ въ руки анархистовъ и максималистовъ, что дастъ имъ огромное политическое вліяніе, страшно вредное и даже опасное для самой революціи.

Мы, конечно далеко не исчерпали здѣсь практическихъ выводовъ вѣк-парламентскаго опыта нашей партіи. Спеціально, мы не останавливаемся на яснымъ для всѣхъ выводѣ о необходимости какъ можно шире и глубже использовать всѣ остающіеся или возникающія „легальныя возможности“, но на первомъ планѣ—работу въ профессіональныхъ союзахъ,—однако такъ, чтобы не суживать и не разстраивать приэтомъ нелегальную работу партіи. Но мы вынуждены ограничиваться въ своемъ отчетѣ такими вопросами, по которымъ разногласія намѣтились до-

очно ярко и опредѣленно.

Итакъ, переходимъ къ основнымъ выводамъ „парламентарнаго“ или думскаго опыта за истекшіе годы. Въ общихъ чертахъ, они, по нашему мнѣнію, таковы. Въ эпоху сильнаго революціоннаго подъема, когда правительство создаетъ псевдо-парламентскія учрежденія съ цѣлью свести на нихъ почву политическую жизнь народа, отвлечь народныя массы отъ непосредственной борьбы,—тогда бойкотъ подобныхъ учрежденій является необходимой борьбою за удержаніе массового движенія на чисто революціонной почвѣ. Таковъ былъ бойкотъ Булыгинской и Виттевской Думы.

Иначе обстоитъ дѣло въ эпоху подъема еще сравнительно слабаго или уже ослабѣвающагося: тогда участіе въ такихъ учрежденіяхъ полезно для партіи. Существующее массовое возбужденіе, хотя и недостаточно сильное для открытой борьбы, даетъ партіи возможность съ успѣхомъ и съ пользой вести избирательную кампанію, создать парламентское представительство, достойное партіи, способное реально помочь ея организаціонной и агитаціонной работѣ, и что особенно важно—даетъ возможность сохранить связь этого представительства съ массами и вліяніе на него партіи. Таково было значеніе участія во 2-й Думѣ.

При острой и усиливающейся реакціи все это опять-таки измѣняется. Партія не можетъ тогда провести крупной и яркой избирательной кампаніи, не можетъ получить достойнаго себя парламентскаго представительства. Механическая сила реакціи разрываетъ связь уже создавшейся партійной фракціи съ массами, и страшно затрудняетъ вліяніе на нее партіи, а это приводитъ къ неспособности такого представительства вести достаточно широкую и глубокую организаціонно-пропагандистскую работу въ интересахъ партіи. При ослабленіи же самой партіи не исключается даже опасность вырожденія фракціи, ея уклоненія отъ основого пути соціаль-демократіи. Словомъ, вопросъ о самой полезности участія въ псевдо-парламентскомъ учрежденіи становится тогда сомнительнымъ и спорнымъ, и ни въ какомъ случаѣ думская работа не можетъ тогда представлять первостепенной и основной важности въ партійной жизни, ни въ коемъ случаѣ не должна получать въ ней преобладающаго значенія. Такіе выводы навязываются всей исторіей участія нашей партіи въ 3-й Думѣ до настоящаго времени.

Правильное и полное усвоеніе всѣхъ указанныхъ выводовъ было для партійныхъ политиковъ отнюдь не легкой задачей. Послѣ двухъ лѣтъ дѣятельности на широкой, открытой политической аренѣ, надо было на неопредѣленное время отказаться даже отъ мысли о подобной аренѣ, надо было мѣнять весь характеръ подобной работы, сосредото-

чить вниманіе и силы на томъ, что до сихъ поръ наиболѣе въ тѣни, придавать наименьшее тому, что было, а внѣшнимъ образомъ и теперь еще отчасти остается, наиболѣе на виду. Консерватизмъ сложившихся политическихъ привычекъ помѣшалъ нѣкоторымъ,—а въ томъ числѣ даже очень талантливымъ политикамъ нашей фракціи,—послѣдовательно примѣнить большевистскіе принципы къ новому положенію вещей,— и возникла та идейная путаница, которая въ данный моментъ нашла свое завершеніе въ беззаконномъ разрушеніи единства большевисткой фракціи, волею ея исполнительнаго органа—расширенной редакціи „Пролетарія".

Исходнымъ пунктомъ раскольничьихъ дѣйствій послужилъ „думскій" вопросъ. С.-д. фракція въ 3-й Думѣ оставалась единственнымъ учрежденіемъ нашей партіи, которое напоминаетъ объ открытой и широкой политической работѣ предыдущаго періода и, тѣмъ самымъ, политиковъ упорно мечтающихъ о такой работѣ въ настоящемъ, вводитъ въ соблазнъ, считать третьедумскую работу, видѣть въ ней то, чѣмъ она отнюдь не является, главное поле партійной дѣятельности, центральный пунктъ партійной жизни. Эта своеобразная политическая иллюзія все сильнѣе овладѣвала руководящимъ большинствомъ нашего идейнаго центра и рѣзко отразилась сначала на его борьбѣ съ „отзовизмомъ" и „ультиматизмомъ", а затѣмъ на всемъ веденіи оффиціально большевистскаго органа „Пролетарій".

Какъ извѣстно, во время обсужденія и рѣшенія вопроса о выборахъ въ 3-ю Думу, большинство нашей фракціи высказалось за бойкотъ, въ чемъ она тогда уже рѣшилось съ большинствомъ оффиціальнаго идейнаго центра. На іюльской конференціи 1897 г. изъ 10 большевистскихъ делегатовъ, одинъ Ленинъ стоялъ за участіе въ Думѣ. Но конференція рѣшила вопросъ противъ большевиковъ; и всѣ бойкотисты, считая его отнюдь не принципіальнымъ, а только тактическимъ, строго подчинились партійному рѣшенію и приняли въ выборахъ энергичное участіе.

Затѣмъ на почвѣ малоуспѣшной дѣятельности фракціи, ея ошибокъ и тщетныхъ во многихъ случаяхъ усилій партіи, исправить эту дѣятельность, среди отзовистовъ возникло новое практическое отношеніе къ работѣ въ 3-й Думѣ, т. наз. „отзовизмъ".

Товарищи „отзовисты" находили, что при наличныхъ условіяхъ затрата партійныхъ силъ на работу въ Думѣ, такъ мало окупается на дѣлѣ, а ущербъ отъ компроментирующихъ партію ошибокъ, такъ великъ, что для партіи всего выгодней отозвать фракцію.

Мы не раздѣляли этого мнѣнія, находя, что планъ отзовистовъ слишкомъ трудно выполнимъ для партіи, привелъ бы ее къ большимъ

внутреннимъ потрясеніямъ и потребовалъ бы новой чрезмѣрной затраты силъ при крайне невыгодныхъ условіяхъ. Мы полагали, что теперь, уже имѣя думскую фракцію и работу, партія должна употребить всѣ усилія, чтобы извлечь какъ можно больше пользы изъ тѣхъ затратъ своей энергіи, которыя уже были сдѣланы въ данномъ направленіи: чтобы исправить, поднять, улучшить работу фракціи. Партія должна учесть свой опытъ, должна выяснить и рѣшить:—не было ли въ конечномъ счетѣ все данное предпріятіе, участіе въ 3-й Думѣ,—для нея невыгоднымъ; но она не должна ликвидировать, его при тѣхъ наиболѣе невыгодныхъ условіяхъ, какія существуютъ теперь, при условіяхъ, когда такого рода попытка не дала бы большихъ реальныхъ результатовъ, но само по себѣ угрожала бы разстроить единство партіи.

Въ то же время, однако, очевидно, что разногласіе отзовистовъ и анти-отзовистовъ вовсе не затрагиваетъ принциповъ большевизма, а является также чисто практическимъ, какъ и прежнее разногласіе бойкотистовъ и анти-бойкотистовъ. Дѣло не касается ихъ принципа революціоннаго марксизма въ цѣломъ,—ибо отзовисты никогда не высказывались въ смыслѣ анти-парламентаризма вообще,—ни того особаго пониманія русской революціи, движущихъ ея силъ и роли въ ней различныхъ классовъ, на которомъ объединилось и сорганизовалось большевистское теченіе.

Поэтому, высказываясь при случаѣ противъ отзовизма, мы тѣмъ не менѣе отстаивали право отзовистовъ выражать свое мнѣніе въ отзовистскихъ органахъ и предостерегали противъ чрезмѣрнаго раздуванія всего вопроса и попытокъ превратить его въ принципіальный, т. е. уже нарушающій единство фракціи.

Иначе отнеслись къ дѣлу тѣ, кто сознательно или безсознательно стремились думскую работу сдѣлать центральнымъ пунктомъ партійной жизни, кто иоддавался мечтѣ о широкой парламентской дѣятельности въ нынѣшней Россіи. Они повели по ихъ собственной характеристикѣ „отчайную борьбу“ съ отзовистами. Употреблялись всѣ усилія, чтобы расхожденіе съ отзовистами въ принципіальное или по крайней мѣрѣ представить его, какъ принципіальное. Отзовистовъ обвиняли въ антипарламентаризмѣ, синдикализмѣ, анархизмѣ и т. д. Затѣмъ въ этихъ обвиненіяхъ къ отзовистамъ присоединили „ультиматистовъ“, т. е. тѣхъ большевиковъ, которые не считая полезнымъ въ данное время отзывать фракцію, находятъ, что партія не должна зарекаться отъ этого на будущее, и должна твердо въ ультимативной формѣ настоять на соблюденіи фракціей дисциплины по отношенію къ Центральному Комитету партіи.

Полемика эта подъ видами „дискуссій“ занимала до нес

ности большое мѣсто въ „Пролетаріи“. Перепечатывалась, напримѣръ татья отзовиста изъ „Рабочаго Знамени“ и въ отвѣтъ на нее помѣщались цѣлыхъ три анти отзовистскихъ статьи. А тонъ политики становился все рѣзче, непримиримѣй, придавая ей характеръ прямого вышибанія“.

Параллельно съ этимъ возрастало мѣсто и значеніе, которое отводилось на страницахъ „Пролетарія“ думской фракціи. Всѣми способами прямыми и косвенными ей внушалось убѣжденіе, что она абсолютно необходима для партіи, что ея работа является главной основой въ партійной жизни. Прежняя независимая позиція всѣхъ б-ковъ по отношенію къ думской фракціи, такимъ образомъ отбрасывалась радикально и самая критика ея работы объективно превращалась при этихъ условіяхъ въ безвредное ворчаніе, перемежающееся съ похвальными листами. По существу это былъ переходъ на меньшевистскую точку зрѣнія парламентаризма во что бы то ни стало.

Логическимъ выводомъ тутъ былъ, конечно, формальный расколъ со всѣми тѣми, кто не хотѣлъ принять новаго меньшевистскаго принципа и всѣхъ выводовъ изъ него. Выводъ этотъ былъ сдѣланъ въ резолюціи большевистскаго идейнаго центра „объ ультиматистахъ и отзовистахъ“ принятой 22-го іюня текущаго года. Въ ней прямо заявляется, что „большевизмъ, какъ опредѣленное теченіе не имѣетъ съ ультиматизмомъ и отзовизмомъ ничего общаго“ и актъ раскола спеціально еще подтвержденъ въ резолюціи о „задачахъ партіи“, гдѣ говорится объ „отмежеваніи“ большевистскаго теченія отъ отзовизма. Раскольныхъ характеръ этихъ шаговъ сознавался большинствомъ редакціи вполнѣ ясно и признавался открыто. Приведемъ нѣкоторыя изъ ихъ заявленія, занесенныхъ въ протоколъ собранія.—„Я признаю нашу резолюцію раскольнической—сказалъ тов. Алексѣй и утверждаю, что сейчасъ возможность совмѣстной работы съ тт. ультиматистами и отзовистами отсутствуетъ“. И тов. Ленинъ подтвердилъ:—„Ясно, что единства во фракціи нѣтъ и расколъ полный“. А тов. Каменевъ въ дальнѣйшемъ пояснилъ такъ:—„Мы извергаемъ изъ своей среды тѣхъ товарищей, съ которыми вмѣстѣ въ политическомъ отношеніи идти не можемъ“. Словомъ отвѣтственность за расколъ большинство редакціи на этомъ собраніи принимало на себя въ полной мѣрѣ:—отмѣчаемъ это для того, чтобы на будущее время устранить всякую возможность извращенія фактовъ и сваливанія съ больной головы на здоровую.

Переходъ къ принципіально новымъ для большевизма взглядамъ, почти въ точности воспроизводящій собою переходъ отъ старой «Искры» къ новой, не могъ не оказать рѣшающаго вліянія на все отношеніе къ

очереднымъ задачамъ партіи и фракціи.

Задача первая: сохраненіе и укрѣпленіе нелегальной организаціи. Было она сторонниками ново-пролетарской линіи признается, но какой постановкѣ.

„Надо критиковать думскую фракцію"...—пишетъ „Пролетарій" (№ 39), но надо всѣмъ также укрѣплять организаціи на мѣстахъ и развивать агитацію для использованія каждаго выступленія фракціи. Только соединеніе той или другой работы есть дѣйствительная достойная выдержанныхъ революціонныхъ соц.-демократовъ дѣятельность, только это соединеніе поможетъ намъ побороть „гнилую минуту" и ускоритъ наступленіе новаго подъема. Слѣдовательно вся работа сводится къ работѣ фракціи и по поводу нея, для чего и должны укрѣплять организаціи на мѣстахъ. Такова ли была б о л ь ш е в и с т с к а я постановка вопроса? И естественно, когда дѣло доходитъ до п р а к т и ч е с к и х ъ мѣръ къ укрѣпленію организацій, мѣры дѣйствительно способныя помочь выполненію этой задачи, но недостаточно тѣсно связанныя съ позиціей «думизма» отвергалися расширенной редакціей.

Такъ, основываясь на опытѣ съ газетой «Рабочее Дѣло», которая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ поддерживало единство центрально-областной организаціи и способствовало ея расширенію, мы предлагали расширенной редакціи «приложить всѣ усилія къ тому, чтобы въ Р о с с і и и з д а в а л и с ь о б л а с т н ы е о р г а н ы,—такъ какъ говорили мы,—органъ издаваемый за границей, не можетъ полно, своевременно, хорошо и правильно удовлетворять всѣхъ потребностей мѣстныхъ организацій въ руководящей и прочей литературѣ» — Это предложеніе было отвергнуто.

Взамѣнъ того рѣшено было издавать одинъ популярный органъ на всю Россію. Очевидно, что при нынѣшнемъ состояніи внутренняго транспорта и партійныхъ связей органъ этотъ для большей части россійскихъ организацій будетъ в с е р а в н о, ч т о з а г р а н и ч н ы й; но за то, конечно, нынѣшнему большевистскому центру легче будетъ контролировать составъ его редакціи и заботиться о надлежащей постановкѣ въ немъ борьбы съ ультиматизмомъ, отзовизмомъ и т. п., чѣмъ это было съ нѣсколькими органами автономныхъ областныхъ организацій! Укрѣпленіе мѣстныхъ организацій будетъ достигаться весьма слабо; зато „думская" линія будетъ проведена надежно.

Задача вторая: углубленіе и расширеніе соціалистической пропаганды. Первоначально она просто игнорировалась: за 16 мѣсяцевъ заграничной работы [redacted]шней редакціи „Прол.", ею не издано н и о д н о й пропагандистской [redacted] или брошюры, не смотря на то, что въ ея рас-

поряженіи находилось и много литературныхъ силъ, и болѣе чѣмъ когда либо значительныя матеріальныя средства. А затѣмъ, когда по иниціативѣ нѣкоторыхъ товарищей было предпринято устройство заграницею партійной школы—со стороны редакцій началась энергичнѣйшая борьба противъ этого дѣла. Посредствомъ оффиціальныхъ резолюцій о школѣ распространялись въ Россіи невѣрныя свѣдѣнія объ ея якобы „богостроительскомъ“ и „отзовисткомъ“ направленіи, она объявлялась „центромъ новой, откалываюшейся отъ большевизма фракціи“, организаторы обвинялись въ стремленіи вести дѣло тайно отъ редакціи „Прол“., хотя они фактически начали именно съ обращенія къ ея содѣйствію – но его не получили (первое обращеніе по поводу школы было направлено въ редакцію, но ею не было напечатано, а только на полтора мѣсяца задержано) и т. п. Ни единой попытки не только оказать содѣйствіе школѣ, но хотя бы даже взять въ свои руки контроль надъ нею, со стороны редакціи не дѣлалось; распространяя неизвѣстно откуда добытыя ложныя свѣдѣнія о школѣ, редакція не сдѣлала организаторамъ школы ни единаго запроса съ цѣлью провѣрки этихъ свѣдѣній. Таково было отношеніе редакціи ко всему этому дѣлу.

А между тѣмъ устройство п е р в о й партійной школы заграницею имѣетъ особенно важное значеніе хотя бы потому, что на ней должны быть выработаны на будущее общія формы организаціи такихъ школъ и ихъ веденія, общіе планы, программы, а по мѣрѣ возможности и пропагандистскія руководства для нихъ, которыя могли бы послужить опорою для всей дальнѣйшей работы въ томъ же направленіи, заграницею и въ самой Россіи.

Но понятно, что для товарищей, признающихъ центромъ партійной дѣятельности третью думскую фракцію и видящихъ въ ней широкое поле политической работы, дѣло углубленія соціалистической пропаганды представляется не только второстепеннымъ, а пожалуй даже отвлекающимъ партійныя силы отъ болѣе важныхъ задачъ, и отношеніе къ нему должно тогда оказаться именно такимъ, какое въ данномъ случаѣ обнаружилось.

А разработка вопросовъ, связанныхъ съ непосредственною борьбою народа противъ правительства и реакціонныхъ силъ? Нечего и говорить, что безполезно было бы искать подобныхъ сюжетовъ на страницахъ новаго „Пролетарія“. Думизмъ заслонилъ и отстранилъ все это.

Различіе двухъ политическихъ линій ясно. И на его почвѣ теперь подготовляется новая группировка партійныхъ силъ.

Ея сущность заключается въ образованіи новой ф р а к ц і и ц е н т р а. Между „думскимъ“ большевизмомъ новаго „Пролетарія“ и

лѣвымъ партійнымъ меньшевизмомъ граница стирается все больше. Объявленіе редакціей раскола со всѣми „лѣвыми большевиками“ устраняетъ послѣднія препятствія къ объединенію „правыхъ большевиковъ“ съ ближайшею къ нимъ частью меньшевистскаго теченія. Признаніе „думскихъ“ задачъ центральными и основными должно послужить объединяющимъ принципомъ, а всѣ вопросы, которые поддерживали расхожденіе двухъ крыльевъ партіи, частью отведены пока въ сторону историческимъ ходомъ вещей, частью благополучно забыты. Такъ, напр., вопросы о революціонной и оппортюнистической тактикѣ теряютъ свою непосредственную остроту, когда на дѣлѣ и та и другая скованы настолько, что вообще могутъ проявлять сеяя лишь въ минимальной степени. Было разногласіе относительно нейтральности или партійности профессіон. союзовъ—но послѣ Штутгардскаго междун. конгресса, рѣшившаго споръ въ пользу партійности, умѣренные меньшевики не станутъ слишкомъ упираться, особенно, когда фактически работа въ проф. союзахъ сведена къ очень малой величинѣ. Изученіе и освѣщеніе вопросовъ народнаго возстанія и т. под.—но какой же благоразумный умѣренно-большевистскій политикъ теперь объ этотъ думаетъ?..

Словомъ, давно пора подружески столковаться.

Еще въ іюнѣ прошлаго года, при первыхъ признакахъ раскольной политики, одинъ изъ насъ въ узкой редакціи „Пролетарія“ поднялъ вопросъ о томъ, не имѣется ли въ виду осуществленіе идеи „центра“. Ему было отвѣчено успокоительнымъ отрицаніемъ. Но теперь—для всѣхъ ясно, что это вопросъ только времени и дипломатіи.

Шаги въ этомъ направленіи дѣлаются съ обѣихъ сторонъ. Въ сущности все вліяніе „Пролетарія“ за этотъ годъ было сплошнымъ такимъ шагомъ. Теперь онъ завершонъ расколомъ съ „лѣвыми“. Естественно, что теперь и соотвѣтственные меньшевики, при всей ихъ осторожной недовѣрчивости, рѣшаются немного „пойти на встрѣчу“. Тов. Плехановъ, въ своемъ, надѣлавшемъ много шуму, недавнемъ выступленіи въ Женевѣ, открыто заявилъ, что, во-первыхъ, порываетъ съ меньшевиками-ликвидаторами и твердо стоитъ за нелегальную партію, во-вторыхъ, что и у большевиковъ есть серьезные и ортодоксальные марксисты, въ-третьихъ, что, по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ, требуется осторожность, чтобы не сбиться на „экономизмъ“ и „оппортунизмъ“ и т. п. А тов. Ленинъ въ засѣданіи расширенной редакціи «Пролетарія», привѣтствуя долгожданный поворотъ тов. Плеханова, заявилъ: (приводимъ слова занесенныя въ протоколъ): «У мешьшевиковъ есть теченіе ортодоксально-марксистское, плехановское, и у большевиковъ есть тоже, ортодоксально-марксистское; и у насъ и у нихъ есть ликвидаторское

теченіе—валентиновско-максималистское".

Возможно-ли яснѣе выразить готовность къ объединенію съ Плехановымъ для борьбы противъ „враговъ справа и слѣва". Идею „центральной" фракціи, которая руководила бы партіей, опираясь на правое крыло противъ лѣваго и обратно, мы считаемъ ошибочной въ корнѣ. Пока жизнь общества не сошла окончательно съ революціонной почвы, на путь спокойнаго органическаго развитія, до тѣхъ поръ группировка внутри с.-д. партіи возможна только на двѣ стороны – революціонную и оппортунистическую.

Путь спокойнаго органическаго развитія до тѣхъ поръ, пока группировка внутри с.-д. партіи возможна только на двѣ стороны:—революціонную и оппортунистическую. При условіяхъ глубокой реакціи, которая царитъ теперь, временная невозможность широкой работы способна затушевать многія различія этихъ двухъ тактикъ, и привести къ созданію мнимо-единой линіи «центра»,—но какъ только начнется реальное оживленіе работы, несовмѣстимость обѣихъ тактикъ станетъ очевидна и потребуется новая перегруппировка партійныхъ силъ, дѣло всегда трудное и мучительное.

Мы изложили въ общихъ чертахъ, основы того раскола, который въ настоящее время объявленъ въ больш. фракціи. Мы избавляемъ васъ, товарищи, отъ описанія того, какимъ образомъ тотъ расколъ болѣе года подготовлялся и приводился въ нашей заграничной коллегіи. Вы ясно можете себѣ представить, что это—довольно неприглядная картина мелкой борьбы, выживанія, дрязгъ и т. п. Если когда-либо соберется учрежденіе, компетентное судить обѣ стороны за ихъ дѣйствія,—мы рады будемъ представить такому учрежденію точную, документальную картину всего дѣла, въ которой съ перемѣной лицъ до мелочей воспроизводится исторія стараго, меньшевистско-большевистскаго раскола. Здѣсь же мы констатируемъ только слѣдующіе вполнѣ установленные и въ формальномъ отношеніи наиболѣе важные факты:

1) Мы съ прошлаго года всѣ время настаивали на томъ, чтобы вопросъ о судьбѣ большевистской фракціи, объ ея готовившемся расколѣ въ правѣ рѣшить только съѣздъ или по крайней мѣрѣ расширенная полномочная конференція, но отнюдь не исполнительная коллегія, каковою является ред. «Пролетарія» и мы все время требовали такой конференціи. Большинство коллегіи предпочло с а м о рѣшить вопросъ о расколѣ, что избавляетъ его, конечно, отъ необходимости въ будущемъ, на конференціи или съѣздѣ, имѣть дѣло съ другой частью большевистской фракціи, а имущество всей фракціи оставляетъ въ распоряженіи этого большинства.

2) То же самое большинство коллегіи противозаконно устранило изъ ея состава одного изъ насъ, члена коллегіи Максимова, выбраннаго большевистскимъ съѣздомъ (т. е. большевистскою частью партійнаго съѣзда). Мы не признаемъ этого устраненія тѣмъ болѣе, что оно мотивировано. Отказомъ Максимова подчиниться резолюціи о расколѣ большевистскаго теченія и проводить его въ жизнь, каковой отказъ для довѣреннаго лица фракціи, сознающаго свой долгъ передъ избирателями совершенно обязателенъ.

Вотъ что наиболѣе существенно для формальной стороны дѣла.

Теперь товарищи, мы свое исполнили — довели до вашего свѣдѣнія о положеніи вещей. Очередь за вами: рѣшайте, таково-ли оно, какимъ должно быть и что дѣлать дальше?

Выборные на Лондонскомъ съѣздѣ, члены расширенной редакціи «Пролетарія»:

Н. Максимовъ (членъ Ц. К-та партіи, бывшій редакторъ популярной рабочей газеты «Впередъ», докладчикъ бойкотистовъ на іюльской конференціи 1907 г.) Николаевъ (членъ Ц. К-та 1-го, 2-го и 3-го состава). Съ существомъ взглядовъ, изложенныхъ въ этомъ отчетѣ уполномочилъ насъ выразить его солидарность тов. Маратъ, который не будучи особой резолюціей, устраненъ изъ состава коллегіи, счелъ себя формально обязаннымъ въ ней остаться.

Спеціально по вопросу о раскольнической политикѣ большинства расширенной редакціи уполномочилъ насъ сообщить о его солидарности съ нами стоящій на иной политической позиціи, членъ расширенной редакціи тов. [redacted]мовъ.

Слѣдуютъ еще двѣ подписи- рукопись неразборчива.

Изданіе Василеостровскаго р. к. Россійской С.-д. раб. партіи